

БИБЛИОГРАФІЯ.

Стихотворенія Ивана Никитина. Издавъ графъ Д. Н. Толстой. Воронежъ и Спб. 1856—7364.

— Когда-то у насъ литературныя репутаціи создавались и уничтожались журналами; когда-то были очень многочисленны люди того тина, который двумя-тремя словами очерченъ въ «Театральномъ Разъѣздѣ»:

— Ну, что ты скажешь о комедіи, которую мы сейчасъ видѣли? спрашиваетъ одинъ.

— Погоди; теперь еще нельзя говорить: посмотримъ, что журналы скажутъ: тогда и узнаемъ, хороша ли комедія.

Нынѣ ужъ не та стала наша публика. Она судить и рѣдить, не дожидаясь мнѣшя журналовъ, и часто подсмѣивается надъ ними. Такая перемѣна невыгодна для критика, который изъ учителя публики сдѣлался нынѣ только ея отголоскомъ и часто можетъ выиграть, если сдѣлается ея ученикомъ. А мы все-таки очень рады этой перемѣнѣ. Слава Богу, что публика наша научилась быть самостоятельна въ литературныхъ вопросахъ. Положимъ, если хотите, дѣла эти не имѣютъ колоссальной важности, но все-таки хорошо быть самостоятельнымъ и въ этихъ дѣлахъ. Да и для критика нынѣшнее скромное положеніе если не блистательно, зато безопасно: публика рѣдко ошибается, и если будешь прислушиваться къ ея мнѣнію, не останешься въ накладѣ.

Эта мысль пришла намъ въ голову вовсе не по поводу «Стихотвореній» г. Никитина: по поводу ихъ ничего особенно хорошаго не можетъ прійти въ голову (хотя издатель, графъ Д. Н. Толстой, и написалъ къ нимъ прекрасное предисловіе). Но можно приложить и къ «Стихотвореніямъ» г. Никитина слова, которыми начинается наша статья. И не только можно, даже должно: вѣдь надобно же сказать что нибудь объ этой книжкѣ, о которой безъ того ровно нечего будетъ сказать.

Да, рѣдко ошибается (если когда нибудь ошибается) публика, и хорошо, когда она судить самостоятельно. Многіе журналы рекомендовали ея особенному вниманію стихи г. Никитина, вообразивъ, что открыли въ немъ поэта-простолудина съ самобытнымъ и необыкновеннымъ талантомъ. Публика прочла пьесы, о достоинствѣ которыхъ съ такимъ восторгомъ ей возвѣщали, и очень равнодушно сказала: «У г. Никитина есть искусство подбирать прекрасныя приемы и

составлять звучные стихи; по поэтического таланта въ немъ не замѣтно. Не замѣтно также, по его стихотвореніямъ, простолюдинъ онъ или дворянинъ, купецъ или помѣщикъ, но видно, что овъ начитался нашихъ поэтовъ, стихи которыхъ и передѣлываетъ въ своихъ пьесахъ». Это общее мнѣніе публики раздѣляли мы, и когда-то его выразили, и—признаться ли?—пожалѣли потомъ, что, не снягчпвъ нашихъ словъ какиминибудь общими, ничего не говорящими похвалами, не оставили возможности понимать наше сужденіе такъ или иначе, какъ кому угодно. «Почему знать, что можетъ случиться? думали мы.—Вѣдь по десяти, пятнадцати слабымъ пьесамъ довольно трудно рѣшить, что у человѣка, ихъ написавшаго, нѣтъ таланта, и что оцъ вдругъ,—не нынѣ, завтра,—не удивить насъ какиминибудь превосходными созданіями. А тогда и придется намъ сознаваться, что мы ошиблись.» Но вотъ прошло годъ или два. Г. Никитинъ издалъ, или, вѣрнѣе сказать, графъ Д. Н. Толстой издалъ цѣлую книгу его стихотвореній. Значить г. Никитинъ считаетъ свои пьесы не какиминибудь неудачными опытами, а произведеніями хорошими, достойными своего таланта,—думаетъ, что, написавъ ихъ, уже совершилъ нѣчто такое, на чемъ можетъ основать свою извѣстность, или, точнѣе сказать, такъ думаетъ графъ Д. Н. Толстой, издавшій его стихотворенія, а г. Никитинъ соглашается съ мнѣніемъ гр. Д. Н. Толстаго, потому что иначе бы не далъ ему разрѣшенія издавать эту книгу. Прочли мы эту книгу—и улыбнулись надъ своими сомнѣніями въ основательности и полной точности нашего прежняго сужденія, и еще однимъ новымъ фактомъ увеличился длинный рядъ случаевъ, убѣждающихъ, что публика—очень тонкая и вѣрная цѣнительница всякихъ, поэтическихъ и не поэтическихъ, дѣлъ.

Дѣйствительно, въ цѣлой книгѣ г. Никитина нѣтъ ни одной пьесы, которая обнаруживала бы въ авторѣ талантъ или, по крайней мѣрѣ, поэтическое чувство. У него есть только умѣнье писать стихи. Графъ Д. Н. Толстой знаетъ, что г. Никитинъ—подражатель. Это еще не заставило бы насъ отказать ему въ талантѣ: человѣкъ съ поэтическимъ дарованіемъ можетъ находиться подъ вліяніемъ другаго поэта, съ болѣе значительнымъ или болѣе развитымъ талантомъ. Но мало сказать, что г. Никитинъ подражаетъ тому или другому нашему поэту: онъ просто передѣлываетъ различныя пьесы различныхъ авторовъ,—и какъ передѣлываетъ? такъ, что въ его стихахъ не замѣтно ни малѣйшаго поэтического инстинкта: нѣтъ ни мысли, ни чувства, ни даже соотношенія между различными строфами одной и той же пьесы. И какія пьесы выбираетъ онъ для передѣлки? Не тѣ, смыслъ которыхъ былъ бы ему близокъ, затрогивалъ бы если не талантъ его (котораго мы не имѣемъ основаній предполагать), то, по крайней мѣрѣ, его чувство или мысль. Нѣтъ, ему мало нужды до того, каково содержаніе пьесы: были бы въ ней только звучные стихи,—онъ тотчасъ же напишетъ нѣсколько куплетовъ, своею формою и словами похожихъ на эту пьесу, и думаетъ, что эти куплеты, безъ всякаго чувства, безъ всякой мысли или связи, составляютъ лирическое стихотвореніе. Понравится ему звучность стиховъ въ пьесѣ Лермонтова «Три Пальмы», онъ тотчасъ пишетъ:

Въ глубокомъ ущельи, межъ каменныхъ плитъ
Серебряный ключъ одиноко звучитъ, и т. д.

Поправится звучность стиховъ въ другой пьесѣ Лермонтова: «Когда волнуется желтѣющая нива», онъ опять пишетъ:

Когда вьехать прощальными лучами
Спокойвить водъ позолотить стекло, и т. д.

Тоже дѣлаетъ онъ съ различными пьесами Пушкина и г. Тютчева, г. Щербини и Кольцова, г. Некрасова и г. Фета, г. Полонскаго и г. Огарева и вообще всякаго поэта, лишь бы только звучность стиховъ какой нибудь пьесы какого нибудь поэта показалась ему завидна. Вотъ, напримѣръ, стихи, передѣланные изъ г. Майкова:

Буря утихла. Грядой облака потянулись къ востоку:
Грома глухіе раскаты вдали замирать начинаютъ....

а вотъ изъ г. Тютчева:

Тихо ночь ложится
На вершины горъ
И луна глядится
Въ зеркала озеръ, и проч.

Вотъ опять г. Майковъ:

Одѣлось мракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ
Гряда облаковъ развоцвѣтныхъ. Блѣднѣя заря потухаетъ и т. д.

А эти стихи взяты изъ г. Щербини:

Вотъ здѣсь узнаю человѣка
Въ лицѣ побѣдителя волея,
И какъ-то отрадно мнѣ думать,
Что я человѣкомъ рожденъ.

Опытъ подражанія Пушкину («Я помню чудное мгновенье»)

Бываютъ свѣтлыя мгновенья, и т. д.

О передѣлкахъ изъ Кольцова мы и не говоримъ: ихъ цѣлыя десятки.

Пьеса, которая не была бы заимствована, въ которой было бы хотя что нибудь похожее на самостоятельность, нѣтъ ни одной во всѣхъ стихотвореніяхъ г. Никитина. Самъ онъ не замѣчаетъ въ природѣ или жизни ничего, не чувствуетъ ничего; но кто нибудь напишетъ пьесу изъ русской жизни, и г. Никитинъ повторитъ ее; другой нарисуетъ картину степи или горъ—г. Никитинъ составитъ описаніе степи или горъ; третій вдохновится произведеніями греческой скульптуры—и г. Никитинъ напишетъ о художникѣ, какъ

Валявугъ онъ на мраморъ—и ярвинъ отвемъ
Блеснули его вдохновенныя очи,
И взялъ онъ его, и безсонныя вочъ
Надъ нимъ проводилъ онъ въ своей мастерской.
И камень подъ творческой ожилъ рукой.
Съ тѣтъ поръ въ взумленьи, съ восторгомъ нѣмымъ
Толпа (воронезжскитъ жителей?) преклоняетъ колѣни предъ нимъ.

Иной напишетъ картину бури на морѣ—и г. Никитинъ, живучи въ Воронежѣ, тотчасъ же вдохновится тѣмъ, что

На западѣ солнце пылаеть,
Багряное море горитъ,
Корабль одяной, вакъ птица,
По влагѣ холодной скользить.

Сверваеть струя за нормю,
Какъ крылья шуйять паруса,
Кругонъ неогладное море,
И съ моремъ слились небеса.

Безпечно веселую пѣсню,
Задумавшись, корничій поеть,
А черная туча на югѣ,
Какъ дымъ отъ пожара, ветаеть, и т. д.

Вотъ еще стихотвореніе, столь же глубоко прочувствованное:

ХУДОЖНИКУ.

Я знаю часть невыразимой муки,
Когда одинъ, въ сомнѣніи нѣмонъ
Сложивъ крестомъ ослабнувшія руки,
Ты думаешь надъ мертвымъ полотномъ;
Когда ты кисть упрямую бросаешь
И, голову свою склонивъ ва грудь,
Твоихъ идей невыразимый трудъ
И жалкое искусство проклинаешь.
Проходить гнѣвъ, и творческою силой
Твоя душа опять оживлена,
И, все забывъ, съ любовью терпѣливой
Ты день в ночь едвшь близъ полотна.
Оконченъ трудъ. Толпа тебя вѣнчаетъ,
И похвала вокругъ его шуметь,
И клевета, въ смущеніи, молчить,
И все вокругъ колѣни преклоняеть.
А ты — бѣднякъ! — поникнувши челомъ,
Стоишь одинъ съ тоскою подавленной,
Не находя въ созданіи своемъ
Ни красоты, ни мысли воплощенной.

Это взято, конечно, прямо изъ южно-русской жизни, потому что, какъ насъ увѣряеть графъ Д. Н. Толстой въ предисловіи, очень хорошо написанномъ, «учителемъ Никитина была та широкая, степная природа, которая окружала колыбель его, и тѣ общественныя условія, которыми сопровождалось его дѣтство». Признаемся, мы не знали до сихъ поръ, что для воронежскихъ жителей «условіями, сопровождающими дѣтство», бывають корабли, колеблющіеся въ гавани, морскія бури, дружба съ великими живописцами и созерцаніе дивныхъ созданій ваянія. Итакъ, Воронежъ есть Римъ и вмѣстѣ Неаполь.

Авторъ предисловія увѣряеть насъ также, что «немного книгъ случалось читать» г. Никитину. Это, конечно, надобно понимать только сравнительно съ числомъ книгъ, прочтенныхъ, напримѣръ, Шиллеромъ или Гете; а говора безъ

сравненій, мы видимъ изъ стихотвореній г. Никитина, что онъ человѣкъ довольно начитанный: не только Пушкинъ и Лермонтовъ очень хорошо знакомы ему, но и всѣ другіе наши поэты изучены имъ. А такъ какъ есть у него заимствованія изъ пьесъ, которыя были напечатаны только въ журналахъ и не собраны еще авторами въ отдѣльныя книги, то нѣтъ сомнѣнія, что г. Никитинъ читаетъ журналы и слѣдитъ за вашею литературою вообще. Это прекрасно, и скрывать отъ публики такую похвальную черту не для чего. Жаль только, что начитанность не замѣняетъ природнаго поэтическаго дарованія, котораго до сихъ поръ не обнаружилъ г. Никитинъ, показавъ только, что умѣетъ составлять изъ чужихъ стихотвореній звучные стихи. Правда, издатель увѣренъ, что г. Никитинъ имѣетъ «описательное дарованіе»; но это потому, что издатель, быть можетъ, не такъ твердо, какъ г. Никитинъ, изучилъ гг. Тютчева, Фета, Щербину, Майкова, Огарева и другихъ нашихъ поэтовъ, а также и Кольцова, потому и не могъ принять въ соображеніе, что не только каждая картина, но и каждая черта картины у г. Никитина въ точности заимствована у того или другаго изъ этихъ поэтовъ. Это уже даръ образованности, а не природы. Издатель хвалитъ г. Никитина за то, что у него картины русской природы и жизни «списаны съ природы съ удивительною вѣрностью»; въ той же самой степени отличаются вѣрностью итальянской природѣ и жизни его пьесы итальянскаго содержанія, выписанныя нами выше. Это мозаики, составленныя по книгамъ, а не съ природы.

Если у г. Никитина есть зародышъ таланта—чему мы были бы очень рады, но чего не рѣшаемся предполагать, видя, что онъ пишетъ стихи уже лѣтъ семь или восемь (подъ нѣкоторыми его пьесами выставленъ 1849 годъ) и все еще не выказалъ его ни однимъ стихотвореніемъ, вылившимся изъ души, а не пропѣтымъ безъ всякой мысли или чувства, въ подражаніе различнымъ чужимъ стихамъ—еслибъ у него, дѣйствительно, былъ зародышъ таланта, мы совѣтовали бы г. Никитину, оставивъ навремя сочиненіе стиховъ, ждать, пока жизнь разбудитъ въ немъ мысль и чувство, не вычитанное изъ книгъ и не заученное, а свое собственное, живое, отъ котораго бьется сердце, а не только скрипитъ гусиное или стальное перо. Тогда и онъ, по мѣрѣ своего таланта, будетъ поэтомъ. чего, впрочемъ, не отваживаемся надѣяться: на всемъ, что написалъ онъ, лежитъ такая рѣзкая печать совершеннаго отсутствія впечатлительности къ чему нибудь, кромѣ печатныхъ рюемованныхъ строкъ, что мы опасаемся, не принадлежитъ ли онъ по своей натурѣ къ числу людей совершенно холодныхъ и неспособныхъ къ поэзіи.

Если опасеніе наше справедливо, то онъ не повредитъ таланту, котораго не имѣетъ, продолжая передѣлывать чужія стихотворенія. Но это будетъ, какъ до сихъ поръ было, дѣломъ совершенно безплоднымъ. Кому охота изъ пьесъ г. Никитина знакомиться съ отрывками стихотвореній Кольцова или г. Фета и другихъ поэтовъ, давно законныхъ каждому? Напротивъ, никому не можетъ быть пріятно читать, напримѣръ, слѣдующую «пѣсню»:

Зашумѣла, разгулялась
Въ полѣ непогода;
Пряжары
Глади

Бѣлымъ свѣгомъ привакрылась —
Не осталось слѣду;
Поднялася пыль я вьюга —
Не видать и свѣту.

Да удалому дѣтвиѣ
Буря ве забота:
Онъ проложить путь-дорогу,
Лишь была бь охота.

Не страшна глухая полночь,
Дальнѣй путь и вьюга,
Если молодца въ свой теремъ
Ждетъ краса-подруга.

Ужь какъ встрѣтить ова гостя
Утренней зарю,
Обойметъ ого стыдливо
Бѣлою рукою,

Опустивши ясны очя,
Друга приголубить...
Вспыхнетъ онъ и холодъ ночв
И весь свѣтъ забудеть.

Или слѣдующую пьесу:

Въ зеркало влаги холодной
Мѣсяцъ спокойно гладить
И надъ землею безмолвной
Тихо плыветь и гореть.

Легкою дымкой тумана
Ясный одѣтъ небосклонъ:
Свѣтлая грудь океана
Дышать, какъ будто сѣвозъ сонъ.

Меленно, ровно качаясь,
Въ гавани спать корабли;
Берегъ, въ водѣ отражаясь,
Смутно невааетъ вдали.

Смокла дневная тревога...
Полный торжественныхъ думъ,
Видать яруснетнѣ Бога
Въ этомъ молчаніи умъ.

Вѣдь эта пьеса—пародія на г. Тютчева, а предъидущая—на Кольцова. Какая же надобность въ подобныхъ пародіяхъ? А пьесъ иного рода г. Никитинъ доселѣ не печаталъ еще ни одной. Гр. Д. Н. Толстой полагаетъ, что, кто пишетъ такъ, какъ г. Никитинъ, долженъ быть признанъ замѣчательнымъ поэтомъ: для насъ очень прискорбно, что едва ли кто будетъ раздѣлять его мнѣніе, тѣмъ болѣе жалѣемъ объ этомъ, что мы сами желали бы раздѣлять его: такъ оно прекрасно и умѣренно высказано и такими благородными чувствами внушено.

Графиня Полина. Повесть Авдотья Глинки. Спб. 1856.

Г-жа А. Глинка была известна в нашей литературе, как переводчица довольно многих пьес Шиллера, в том числе «Песни о колоколе». Долго нам не случилось слышать о ее новых литературных трудах. Мы думали, что почтенная писательница покинула перо — и вдруг... мы видим прекрасную «Графиню Полину», очаровательницу аристократических салонов, обязанную своим грациозным существованием г-же А. Глинке. Встреча столь же приятная, как и неожиданная. Сколько психологической мудрости, сколько прелестных светских выражений или, по выражению почтенной повествовательницы, перлз слога, разсыпано в этом простом и наставительном рассказе! Мы не помним, чтобы с тех отдаленных времен, когда мы наслаждались повестями почтенного С. Н. Глинки, нам удавалось читать чтонибудь столь отрадное и успокоительное для души. Но и в повестях самого Сергея Николаевича не находили мы такого тонкого знания обычаев и языка высшего общества! Истинно, мы, люди старого доброго времени, над которыми подсмеиваетесь вы, господа молодые люди, имели превосходных писателей, и благодарность, глубокая благодарность наша почтенной г-же А. Глинке, которая осталась верна литературным преданиям нашего века, сохранила палитру своего почтенного однофамильца и родственника и решилась показать вам, людям испорченного вкуса, как писали в золотой век нашей литературы, — читайте и учитесь, молодые писатели! Как все просто и явственно, как живо и верно в ее повести! Тут нет ухищренностей, которыми увлекаетесь вы, но зато и какая прелесть, какая примирительная грация!

«Легко и вольно впорхнула в Английский магазин молодая, блестящая графиня Полина» — так начинается повесть г-жи А. Глинки. В ряду этой графини обнаруживалась артистическая утонченность: на ней было платье самого нужного цвета гри-де-лен, сверху донизу украшенное пуговицами из перлз. Избалованная всеми родными и прикащиками английского магазина, блестящая графиня Полина была нетерпелива и капризна. Недовольная тем, что еще не готова ее браслет, она «закричала с визгливым порывом гнева: *Mon Dieu! quelle déception!*» При этом визг, приподняв на графиню глаза «высокого роста молодой человек, серьезное лицо которого выражало ум и какую-то суровость. Он вдруг выпрямился и очень зорко и сурово окинул пышную красавицу с ног до головы иронически-холодным взглядом», и ушел из магазина. Вы понимаете, что Полина влюбилась в незнакомца, что он сначала будет пренебрегать ею, как дѣвучкою пустою и капризною, что неразделенная любовь доведет Полину до дверей гроба, смирить и исправить ее, что незнакомец окажется князем, что, узнав о критическом положении Полины, лежащей одною ногою в гробу, о глубокой страсти ее, об исправлении ее от всех возможных недостатков, он вознаградит ее за раскаяние и любовь предложением своей руки с огромными помѣстями: все это вы уже вперед знаете, даже знаете, что у князя есть соперник, комический злодей, камергер в парик, интригующий, чтобы отстранить возможность объяснения между Полиною и князем, а у Полины есть наперсница, Лиза, которая объясняет князю достоинства и стра-

данія Полины, а Полинѣ даетъ наставленія и подаетъ надежды,—все это вы знаете впередъ, даже предчувствуете, какъ будутъ описаны чувства Полины, ожидающей жениха.... нѣтъ! вы не угадали немного: отправляющейся съ отцомъ въ деревню къ жениху, потому что не женихъ прѣзжаетъ сватать ее, а пишетъ ей отцу «прѣзжайте ко мнѣ въ деревню; я готовъ жениться на вашей дочери.» Этого обстоятельства никто не могъ бы предусмотрѣть; но все равно: ошибка читателя касается только второстепеннаго пункта, а главное онъ отгадалъ,—именно то, что чувства графини Полины, отправляющейся въ деревню къ жениху, описываются елѣдующимъ образомъ:

«Мы ве послѣдуемъ за графиней. Всѣ возможныя описанія счастья во могутъ лолойти подъ настоящее. Для того, что душа перечувствуетъ въ эти счастливыя минуты, нѣтъ у человѣка словъ. И одно ожиданіе встрѣчи было для Полины, конечно, выше всѣхъ мелочныхъ удовольствій свѣта: это—развитіе полной жизни. И мы оставлемъ нашимъ читателямъ долочить вообразешемъ недосвязавное нами.»

Такимъ образомъ, содержаніе повѣсти напередъ извѣстно читателю, едва онъ успѣлъ выслушать отъ насъ, о чемъ разсказывается въ ней на первыхъ двухъ-трехъ страницахъ. Но что жъ изъ того? Развѣ повѣсть теряетъ свой интересъ? Нимало: вѣдь вся важность состоитъ въ томъ, какъ развивается авторомъ это содержаніе, какимъ прекраснымъ слогомъ написана повѣсть, какими красками рисуются лица, какъ ведутся разговоры, какія хитрости придумываютъ Лиза и старый камергеръ,—одна, чтобъ устроить, другой—растроить свадьбу. Ротъ что интересно для читателя. Мъ, уворимъ его любопытству.

Послѣ встрѣчи съ незнакомцемъ, «Полинѣ, безъ осязательной причины, худо спалось. На другой день, черты лица ея повытянулись, около глазъ были синеватые круги», ей скучно, она ѣдетъ въ «Издѣлья»,—что это такое?—«Издѣлья»?—такъ называютъ Полина и камергеръ на своемъ элегантномъ языкѣ Магазины Русскихъ Издѣлій—коварный камергеръ, чтобъ задуть въ зародышѣ страсть Полины, сказалъ ей, что незнакомецъ, ее пленившій—«сидѣлецъ въ Издѣльяхъ»—Полина дѣлаетъ смотръ сидѣльцамъ: незнакомца нѣтъ межъ ними. Она съ облегченною душою ѣдетъ въ Англинскій магазинъ. Незнакомецъ ужъ тамъ; онъ покупаетъ табакерку. Ему предлагаютъ на выборъ два табакерки. Онъ пристально посмотрѣлъ ихъ и—

«Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, обратился къ купцу и самымъ чистымъ фрацузскимъ языкомъ спросилъ у него:

— Какъ вы находите, которая изъ двухъ табакерокъ лучше?

— Милостивый государь, это дѣло вкуса и моды; цѣна имъ равная.

— Дѣло не въ цѣнѣ теперь, прибавилъ незнакомецъ:—а я желалъ бы, чтобъ въ подаркахъ руководствовало чувство. Приятно было бы соединить и то и другое.

— Безъ соинвѣя, м. г.—Если табакерка для пожилой особы, мнѣ кажется эта казистѣе.

Незнакомецъ беретъ предпочитаемую купцомъ табакерку и уходитъ: а вы узнаете, во первыхъ, что надобно предоставлять выборъ чущу, если хочешь руководствоваться чувствомъ, а во вторыхъ, что на французскомъ языкѣ вмѣсто «красивѣе» говорится «казистѣе». Полина не узнала ничего о позна-

комцѣ я отправилась къ Лизѣ, своей подругѣ, богатой и одинокой сиротѣ, жившей «съ англичанкой, для которой англійскій матросъ былъ гораздо интереснѣй русской княгини». Изъ этого вы опять узнаете неожиданную новость, что если дѣвушка хорошаго общества остается сиротою, то она живетъ одна, а не въ семействѣ родственника, опекуна или одного изъ друзей ея покойнаго отца; узнаете также изъ словъ обь англичанкѣ, что неумѣнье правильно выражаться можетъ вести къ странной двусмысленности... Это, впрочемъ, вы ужь звали изъ выраженія, что на другое утро послѣ встрѣчи съ незнакомцемъ «черты лица Полины повытянулись, а около глазъ были синеватые круги». Вообще, въ выборѣ выраженій писателю надобно быть такъ же осмотрительнымъ, какъ былъ осмотрителемъ незнакомецъ въ выборѣ табакерки: иначе пожалуй, скажешь, вовсе того не желая, что нибудь очень казистое. Однако, оставимъ замѣчанія и посмотримъ, что дѣлается съ графинею. Она сидитъ въ Лизы; подруги курятъ, «даютъ просторъ языкамъ» (опять обмолвка: это не значить, конечно, «сплетничаютъ»). Полина везетъ Лизу къ себѣ. Камергеръ ужь сидитъ у графа, за обѣдомъ. «Полину подмывало отмстить Мирскому» (такъ зовутъ камергера) за то, что онъ оклеветалъ незнакомца, и она отмстила, сказавъ «съ напряженіемъ»: «Вообразите, папа, Мирскій выдумалъ, что я влюбилась въ сидѣльца изъ Русскаго Издѣлья», — на что Мирскій отвѣчалъ: «Когда жь я вамъ говорилъ такія глупости, графиня! Вы меня слишкомъ обижаете!» Тутъ опять надобно замѣтить, что сидѣльцы не только «Русскаго Издѣлья», но и мелочныхъ лавочекъ не говорятъ такъ неправильно, какъ Полина, и такъ неучтиво, какъ Мирскій. Впрочемъ, въ большемъ свѣтѣ все дѣлается не такъ, какъ водится въ обыкновенномъ обществѣ: напримеръ, дѣвицы, входя въ залъ, дѣлаютъ хозяйнѣ дома книксены, касаются даже целуютъ послѣ чаю ручку у хозяйки, прибавляя: «покорно благодарюсь: и вообще любятъ частичку «съ»: «да-съ», «вы такъ сказали-съ» и т. д., княгиня, авантажны-съ»; да, надобно еще замѣтить, что дѣвицы на вечерахъ высшаго общества называются «барышнями», а дамы — «барынями». Молодые люди на балахъ высшаго общества занимаютъ барышень разговорами историческихъ событіяхъ во Франціи и нравственной философіи (см. стр. 65). Одинъ изъ нихъ, окруженный толпою барышень, спрашивающихъ, какъ онъ думаетъ о маскарадахъ, даже говоритъ: «въ маскарадахъ вкрадывается многое, о чемъ неприлично мнѣ здѣсь говорить», и прибавляетъ, осматриваясь кругомъ: «здѣсь очень многіе подурнѣли, оттого, что оказался избытокъ въ нарядахъ». Это говорить князь. Полинѣ очень понравились его слова. Она также окинула взоромъ лица окружающихъ (стр. 64). Утѣшительно слышать, что свобода обращенія въ высшемъ обществѣ простирается до такого низшаго простодунія. Однако, если мы будемъ такъ продолжать, то никогда не достигнемъ. Оставимъ же всякія замѣчанія и пропустимъ всѣ превосходныя разсужденія князя о томъ, что дѣвицамъ не слѣдуетъ читать романовъ, а надобно, какъ можно болѣе читать стиховъ, не слѣдуетъ носить на головѣ шляпы и употреблять слово шякъ, и о томъ, что барышни (дочери князей и графовъ) существа пустыя, и т. д., и т. д. Эти разсужденія наполняютъ половину книжки. Пропустимъ даже описаніе удивительнаго литературнаго вечера Лизы — всѣ барышни и дамы прѣзжаютъ на этотъ вечеръ съ палатками и

гидять, вышивая по канвѣ, а авторъ стоять вдалькѣ отъ нихъ—пропуская все это, посмотримъ на Полину, которая примѣряетъ турецкій костюмъ, по совету Лвзы. Она хочетъ ѣхать въ маскарадъ, чтобы плѣнить князя.

Съ помощью Лвзы и горничной. Полива стала одѣваться. Лвза мигнула Полиѣ, которая велѣла подать горничной всѣ свои драгоценности. Онѣ вынули богатый изумрудный уборъ съ бриллыантами, серьги, брощь. На голову надѣли родъ маленького тюробана изъ пунцоваго бархата, прегрѣятаго ивтыни крупныхъ бриллыантовъ; съ одной стороны уирѣпила бѣлое перо съ солитеромъ. Руки, шея унизались ожерельями и браслетами.

И вотъ черезъ нѣсколько минутъ очутилась персдъ Лвзой ужъ не графиня Полина, а драгоценная перда, во всей пышности красоты восточной. Любуясь ею, сказала она: «Вечеромъ ты будешь еще лучше». Едва выговорила она эти слова и только что Полива, чтобъ лучше себя увидѣть и показаться, прошлась по комнатѣ, послышался на дверь какой-то свѣтлѣйшій шопоть:

— Можно ли видѣть графиню?... Батюшка прислалъ невя за нею.

— Да кто тутъ я что надобно? спросила Лвза.

— Какъ же вы меня, княжна, не узнали? Я Мирскій. Допустите, если можно.

— Впустить! отвѣчала Полива небрежно. — Мирскій вошелъ на цпочкагъ и оетановился въ дверяхъ, съ разинутымъ ртомъ и распростертыми рукамъ. Онъ вспомнился, почти зодохся, увидѣвъ это блестящее существо, гурю изъ магомстова рал. Разглядѣвъ ближе, онъ сталъ ва колѣни и восторженно завричалъ, сложавъ руки на груди и вкаяясь по турецки:

— Звѣзда Востока!... Забылся!... Пощадите, графиня!... Непозволительно быть до такой степени прекрасной, очаровательной!! На что вамъ столько жертвъ?

Полива улыбнулась, а Лвза подумала: «того-то вамъ и надо!»

— Батюшка прислалъ меня въ вамъ. Ему нуавно о чемъ-то поговорить съ вами.

— Какъ же я пойду, Лвза, въ костюмъ? Это смѣшно!

— Почему жъ в не такъ, графиня? сказалъ, вздыхая, Мирскій. И батюшка полюбуется вамъ, и мы воспользуемся: подогѣ поглядѣмъ на васъ. Осчастливьте меня хоть теверь, ваше сіятельство!

Мирскій надѣлъ перчатки. Полина молча подала ему руку, и онъ отправились черезъ длинную айфладу комвать къ графу. Лвза смотрѣла ей вслѣдъ съ вострогомъ. Полива въ этомъ костюмѣ казалась выше; голова ея граціозно вавловалась то ва ту, то ва другую сторону, когда она проходила мимо зеркаль.

Какой удивительный тонъ! какой прелестный слогъ! Можно вообразить, каково овансанъ самый маскарадъ, если приготовленія къ нему разказаны такъ хорошо. Но повѣсть принимаетъ патетическій оборотъ: турецкій нарядъ и граціозно наклоняющаяся то въ ту, то въ другую сторону голова не подѣйс твовапи на князя: онъ былъ холоденъ, и у Полины, тутъ же, въ маскарадѣ, начался припадокъ горячки... Наши нервы, разстроены нообычайнымъ ароматомъ аристократическихъ салоновъ съ блестящими барышнями, не могутъ выносить этихъ трагическихъ впечатлѣшй, и мы закрываемъ повѣсть г-жи А. Глинки. Пусть любознательный читатель самъ приобрѣтетъ очаровательную «Графиню Полину»: она принсетъ много нилыхъ минутъ его душѣ. Мы можемъ только воскликнуть вмѣстѣ съ почтенною повѣствовательницей:

Вотъ это мирить! Какъ облыгорожываетъ, возвышаетъ женщину истинный талантъ! Вотъ ея дѣйствительное призваніе — дѣйствовать на душу и тѣмъ примирять насъ со всѣмъ пошлымъ, со всѣмъ оскорбляющимъ, къ несчастью, встрѣчасмымъ такъ часто въ обществѣ. Пойте мнѣ чаще! Благодарю васъ отъ души за послѣднее впечатлѣніе!
(Стр. 94).

Вспомогательная книга для помещиковъ и сельскихъ хозяевъ.
*Соч. Крейсига. Перевелъ и дополнилъ примѣчаніями С. М. Усовъ. Изданіе
третье, вновь пересмотрѣнное о дополненное. Спб. 1856.*

Сочиненіе Крейсига написано преимущественно для сѣверо-восточной Германіи, которая, по своему климату, болѣе, нежели какая нибудь другая страна западной Европы, похожа на среднюю и обширѣйшую полосу Европейской Россіи. Потому г. Усовъ считалъ его болѣе полезнымъ для нашихъ хозяевъ, чѣмъ подобныя сочиненія, писанныя для странъ, климатическія условія которыхъ очень различны отъ нашихъ. Успѣхъ перевода оправдалъ его ожиданія: вскорѣ послѣ перваго изданія, вышедшаго въ 1836 году, понадобилось второе. Теперь г. Усовъ полагаетъ нужнымъ сдѣлать третье.

Главное достоинство крейсиговой книги то, что написана она очень просто и практично. Многіе совѣты и наблюденія Крейсига вполне прилагаются къ нашему быту. По очень много есть у него и такихъ вещей, которыя невозможны или излишни въ нашемъ хозяйствѣ. Примѣчанія г. Усова касаются нѣкоторыхъ—впрочемъ, немногихъ—изъ числа послѣднихъ случаевъ и не могутъ быть названы достаточными для того, чтобы сдѣлать «Вспомогательную книгу» вѣрною совѣтницею нашимъ сельскимъ хозяевамъ. Кромѣ того, намъ кажется, что, издавая книгу, составленную слишкомъ за двадцать лѣтъ (1832), надобно было бы прибавить къ прежнему тексту замѣчанія о тѣхъ успѣхахъ, какіе сдѣланы втеченіе этого времени практическимъ сельскимъ хозяйствомъ.

Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ, профессора Императорскаго Московскаго Университета Ярослава Лвовскаго. Свѣдѣнство и шелководство. Москва. 1855.

Книга эта служить продолженіемъ прекрасныхъ «Бесѣдъ» Лвовскаго о сельскомъ хозяйствѣ, которыя были изданы въ 1845 году, и, въ двухъ частяхъ, содержали ученіе о земледѣліи.

Лвовскій, умершій такъ рано, былъ замѣчательнымъ ученымъ, и едва ли кто замѣнилъ его до сихъ поръ. Онъ превосходно изучилъ на мѣстѣ всѣ отрасли сельскаго хозяйства въ тѣхъ странахъ западной Европы, гдѣ оно достигло наибольшаго развитія. Также хорошо изучилъ онъ и наше русское хозяйство; будучи одаренъ умомъ обширнымъ и практическимъ, превосходно понималъ, какіи улучшенія у насъ возможны и нужны, по условіямъ нашего быта, нашихъ почвъ и климатовъ. «Бесѣды» его, изданныя прежде, оцѣнены всѣми, какъ превосходная книга, по богатству свѣдѣній, вѣрности понятій и прекрасному изложенію. Такова же напечатанная теперь новая часть ихъ. Мы желали бы, для пользы нашего сельскаго хозяйства, чтобы скорѣе изданы были и другія сочиненія Лвовскаго, если послѣ него осталось еще что нибудь, кромѣ напечатаннаго нынѣ трактата о скотоводствѣ и земледѣліи, который сѣло рекомендуемъ вниманію всѣхъ занимающихся этими отраслями сельскаго хозяйства.

О производительныхъ силахъ Россіи, сочиненіе тайнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта Л. В. Тенгоборскаго. Части 2-я вытискъ 1-й. Переводъ И. В. Вернадскаго. Москва. 1855.

Когда вышла первая часть извѣстной книги г. Тенгоборскаго въ русскомъ переводѣ, «Современникъ» говорилъ о ней подробно, а мы теперь не имѣемъ нужды повторять того, что уже сказано было въ нашемъ журналѣ. Замѣтимъ только, что, по своему содержанію, вторая часть представляетъ еще болѣе интереса, нежели первая, излагавшая матеріальныя средства, которыми располагаетъ дѣятельность русскаго народа: во второй части дѣло идетъ о томъ, каковы условія быта, при которыхъ населеніе нашего отечества пользуется этими данными ему природою страны средствами, и на какой степени развитія стоятъ различныя отрасли народной промышленности.

Россійская родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ. Часть третья. Спб. 1856.

Говоря о первыхъ двухъ частяхъ прекраснаго труда кн. Долгорукова, мы подробно излагали его цѣль, планъ и пользу, какую получить отъ него наша исторія. Третья часть, вышедшая теперь въ свѣтъ, содержитъ «четвертую главу третьей книги» — одну изъ самыхъ обширныхъ въ цѣломъ сборникѣ, заключающую родословныя «фамилій, имѣющихъ иностранныя почетныя титула», — именно родословныя грузинскихъ, татарскихъ, польскихъ и проч. князей и польскихъ, остзейскихъ и западно-европейскихъ маркизовъ, графовъ и бароновъ. Всѣхъ иностранныхъ княжескихъ родовъ кн. Долгоруковъ исчисляетъ 49, маркизскій родъ — 1 (де-Траверсе), графскихъ — 86, баронскихъ — 84, кромѣ того 82 отрасли различныхъ титулованныхъ родовъ, имѣющія только дворянское достоинство, но не получившихъ (или утратившихъ) титулъ, которымъ пользуются ихъ однофамилцы.

Кабинетъ магіна или шестьдесятъ опытовъ натуральной магіи, и пр., составили М. Ж. Спб. 1855.

Составительница книжки «посвятила ее удовольствію юношества», то есть дѣтей 7 — 10 лѣтъ. Посмотримъ же, чему научатся дѣти изъ миниатюрной книжки г-жи М. Ж. Вотъ, для примѣра, 60-ый и послѣдній фокусъ:

«Приносите въ общество стеклянную трубочку, дополна налитую красноватою жидкостью, составъ коей мы объяснимъ далѣе. Затѣмъ просите дѣвицу взять трубочку за нижнюю часть ея лѣвой рукой, которая гораздо ближе къ сердцу, чѣмъ правая. А сами держите ее за верхъ. Потомъ просите всѣхъ мужчинъ по очереди подходить и касаться до трубочки, говоря, что прикосновеніе челоуѣка, къ которому дѣвица равнодушна, не произведетъ ничего; но лишь только дотронется до трубочки челоуѣкъ, не совѣтъ лишній для нея, жидкость, заключающаяся въ трубочкѣ, начнетъ шипѣть и пѣною выходить наружу.

«Вотъ составъ жидкости: въ новый глиняный горшокъ положи и пере-

мѣшай: 2 лота фернамбуковыхъ опилокъ, 2 лота квасцовъ. На нихъ налей четверть бутылки виннаго укуса, потомъ вскипяти это на маломъ огнѣ.

«Способъ, чтобъ жидкость зашипѣла, есть слѣдующій: въ рукѣ вашей вы держите щепотку поташу; какъ скоро дотронется до трубки человекъ, котораго хотите вы компрометировать вмѣстѣ съ дѣвицей, вы опускаете щепотку въ верхнее отверстіе трубочки, отчего жидкость зашѣнится».

Доброму дѣлу, какъ видите, учить дѣтей г-жа М. Ж. — «компрометировать мужчинъ вмѣстѣ съ дѣвицами». Очень хорошо.

Очерки Сибиряка. Спб. 1856.

О первомъ выпускѣ «Очерковъ Сибиряка» мы довольно подробно говорили въ прошлой книжкѣ «Современника». На этотъ разъ распространяться не будемъ. Скажемъ только одно: второй выпускъ написанъ уже не стихами, а прозою. Неизвѣстный сочинитель рассказываетъ теперь какіи-то *богатырскія поэмы*, которыя также мало характеризуютъ Сибирь, какъ и его *Девичій сонъ подь новый годъ*. Но для того, чтобы что нибудь напоминало болѣе о Сибири, авторъ нарядилъ своего богатыря Бѣлаго Уклада въ теплую шубу.

Врачебно-комнатная гимнастика. Соч. доктора Шребера. Съ сорока-пятью ксилографическими изображеніями. Москва. 1856.

Если слѣдовать совѣту почтеннаго доктора, издавшаго свою книжечку въ Лейпцигѣ и нынѣ переведеннаго на русскій языкъ, то придется съ ранняго утра по поздней ночи поднимать руки въ сторону, кружить ногами, поворачивать туловище, присѣдать, махать руками и, кромѣ этого, ничего больше не дѣлать. Если у васъ будетъ другое какое нибудь занятіе, кромѣ присѣданія, то вы должны немедленно его бросить, чтобъ хватило времени въ точности исполнить все предписанное. Этого мало: вамъ даже недостанетъ времени, когда пообѣдать, и вы должны то спину гнуть кругообразно, то бедерные мускулы напрягать, то присѣдать, какъ совѣтуетъ авторъ, 24 раза вверхъ и назадъ, то махать, стоя на одной ногѣ, не менѣе 300 разъ руками туда и сюда. Трудновато! и все это для того, чтобъ *пополнить некоторую сумму общаго движенія и вступить въ кругъ дѣятельности*.

Относительно женскаго пола авторъ снисходительнѣе и строго воспрещаетъ имъ двигать пилою 30 разъ, также не дозволяетъ имъ поднимать колѣни впередъ и переступать черезъ палку; но переминаясь на одномъ мѣстѣ онѣ могутъ 100, 150 и 200 разъ. Авторъ большой любезникъ съ дамами, и совѣтуетъ имъ, въ видѣ поправленія здоровья, поднимать плечики и толкать руками впередъ, но тутъ же дѣлаютъ «NB: поднимать ноги въ сторону 6, 10 и 16 разъ—женщинами не исполняется».

Вообще довольно забавно видѣть, до какой степени иногда человекъ можетъ увлечься какой-нибудь *idée fixe*. Такъ, напримѣръ, почтенный докторъ Шреберъ говоритъ, что нужно съ четырехлѣтняго возраста заниматься гимнастикой и мальчикамъ и дѣвочкамъ, в что отецъ, мать, учитель и гувернеръ

(желая удостовериться, что дѣти правильно неполняютъ эти движенія) должны сами дѣлать движенія для примѣра: «иначе — говоритъ авторъ — дѣти этимъ дѣломъ пренебрегаютъ, и оно скоро запускается или теряется въ бесполезныхъ старыхъ обыкновеніяхъ» (Стр. 104). Наконецъ ученый авторъ до того увлекается своей наукой, что даже не щадитъ и сѣдловасой старости. «И старость — говоритъ онъ — имѣетъ нужду въ движеніяхъ. Только тотъ сохраняетъ свои двигательныя силы (слѣдовательно, важнѣйшаго дѣятеля всего жизненнаго процесса), кто прилично ими пользуется». Затѣмъ авторъ напѣдаетъ и на бѣдныхъ старухъ выше шестидесятилѣтняго возраста (кажется, ихъ можно было бы пощадить) и совѣтуетъ имъ переминаться на одномъ мѣстѣ 150 разъ, вертѣть ногами 20, наклонять туловище впередъ и назадъ 15, а присѣдаться всего 16 разъ. Слава Богу, что онъ хоть не предписываетъ имъ ударять топоромъ и поднимать колѣни впередъ, какъ это совѣтуетъ другимъ особамъ до шестидесятилѣтняго возраста включительно.

Авторъ до того возводитъ свою науку въ перлъ созданія, что о другихъ тѣлесныхъ движеніяхъ отзывается съ горечью: о верховой ѣздѣ, фохтованіи, о работахъ въ саду и другихъ сильныхъ упражненіяхъ. Съ его стороны очень большая уступка, что онъ позволяетъ ходить людямъ, хотя онъ тутъ же ядовито замѣчаетъ, что «это средство слишкомъ односторонне и недостаточно».

Судоходство по Шельдѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе
А. Наумова. Москва, 1856.

Объ основныхъ началахъ, которыя должны руководить законами, относящимися къ судоходству по рѣкамъ, протекающимъ чрезъ владѣнія нѣсколькихъ державъ, г. Наумовъ имѣетъ понятія справедливыя: это видимъ изъ прочитаннаго нами введенія. Изложеніе его хорошо, сколько можемъ судить по этимъ и немногимъ другимъ прочитаннымъ нами страницамъ. — Этимъ и должно ограничиться наше сужденіе о его книгѣ. Мы знаемъ, что такое сужденіе недостаточно: оно не касается главнаго пункта — каково ученое дѣловство изслѣдованія г. Наумова; но зачѣмъ и касаться намъ этого пункта, если содержаніе книги нисколько насъ не касается? Пусть судить о немъ бельгійцы и голландцы; а намъ какое дѣло до исторіи трактатовъ о томъ, имѣютъ ли право голландцы блокировать устья бельгійской рѣки Шельды? Если изслѣдованію объ этомъ написано г. Наумовымъ хорошо, русская ученая литература ничего не выигрываетъ отъ его книги. Во всей области народнаго права трудно было бы найти предметъ, изслѣдованіе котораго представляло бы такъ мало интереса для русскаго ученаго, какъ вопросъ о томъ, свободны ли, или заперты были, суть и будутъ устья Шельды. Не знаемъ, отъ автора ли зависѣлъ выборъ предмета; но выборъ этотъ очень страненъ.